

УДК 811.161.1: 81'282.2(470.53)

О ЛОКАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРМСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ¹

Иван Алексеевич Подюков

профессор кафедры общего языкознания

Пермский государственный педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. podjukov@yandex.ru

В статье рассматривается отличие пермской диалектной фразеологии северных и южных русских говоров Прикамья. Посредством анализа характера образности и мотивированности диалектных фразеологизмов различными комплексами и формами традиционной культуры, описания особенностей семантики устанавливается территориальное расслоение пермской диалектной фразеологии. Избранные аспекты исследования позволили определить общие тенденции ее ареального распределения, тесную зависимость диалектной фразеологии от культурно-языковых контактов с неславянским населением края.

Ключевые слова: диалектная фразеология; внутренняя форма фразеологического оборота; способы фразеологизации; семантические группы; культурно-языковое взаимодействие.

Народные говоры на территории Пермского края (как и на любой другой территории вторичного, позднего заселения) не образуют структурно-лингвистического единства; основные диалектные группировки по территориальному расположению представляют здесь несколько компактных ареалов. Основанием для выделения особых групп русских говоров Прикамья являются не только лингвистические данные, но и факты внеязыковые – исторические и культурные. Локальные культурно-языковые зоны в Прикамье формировались в разных географических условиях, имеют неодинаковые источники и развиваются в условиях контактов с разными этносами (прежде всего, это южные говоры, ощущающие тюркское влияние, и северные, контактирующие с финно-угорским языком).

Лексический состав связанных с этими территориями говоров отличен. Так, в говорах юга Прикамья фиксируются слова не только севернорусские, но и средне- и даже южнорусские, типа *клуня* ‘помещение для хранения хлеба в снопах и зерне’ (по В.Далю, южное и западное [Даль 2: 303]), *хата* ‘дом’; *хлопёнок* ‘ребёнок-подросток’, *скүтатъ* ‘загрести угли в печи’ (В.Даль обозначает слово как тамб. [Даль 4: 235]); *цепела*, или *чипила* ‘небольшой ухват, прихватка для сковороды’ (ср. калуж., смол. *чепела* ‘сковородник’ [Даль 4: 1305], вероятно, в родстве с *цапля*).

Локальные черты в диалектной фразеологии менее заметны. Фразеосюжеты в народной речи чаще всего универсальны, совпадают не только в разных говорах русского языка, но и в разных языках (ср. нижненемецкое *hei kann nich Vadder oder Mudder seggen* и пермское «мама» *не скажет* ‘о предельно уставшем человеке’, *hett de Dag enen Hahntritt wunnen* букв. ‘день выиграл на петушиный шаг’ и пермское *день прибыл на воробьиный скок* об ‘увеличении светового дня с Рождества’). Нередко диалектные фразеологизмы выступают лишь как своеобразная реализация общей для языка фразеосхемы. Так, в южном *через Кунгур да в Осу*, в северном *не хватя Боровую да в Мошево* ‘о неправильном, неоправданно долгом объезде’, в оценке слабо заваренного чая *Иштеряки (Хутора) видать* и просторечном *Москву видно* варьируются лишь географические координаты.

В разных группах говоров Прикамья мы видим свободное саморазвитие универсальных славянских фразеосюжетов, мотивируемое не внешними обстоятельствами, а свободным, ассоциативным переосмыслением их внутренней формы. Так, фразеологизм *пять да шесть* в говорах Юрлы характеризует сильный страх, а в южном Октябрьском районе – состояние беременности. Выражение соответствует по внутренней форме болгарскому выражению *ни пет ни шест* ‘недолго думая’. Фразеологизм внешне напоминает указание на неопределенность (ср.

ни то ни сё), но строится на других аналогиях. Для обозначения состояния, когда действуют не задумываясь (значение болгарского выражения), оно выводится из указания на отсутствие у человека возможности (или времени) логически думать, т.е. считать. Для характеристики страха и состояния беременности, очевидно, важно уже указание на «неспособность» (ослабление способности, желания) считать, отличать числа, совершать логические операции. Такого рода отдаленные ассоциации активно привлекаются именно для эвфемических обозначений. Еще один пример ассоциативного развертывания общего фразеологического образа – выражение *с грузом*, которое в южных говорах Прикамья отмечено как характеристика владеющего колдовским знанием (кишертское), в северных – как описание беременной. Соотношение беременности и демоничности с тяжестью, которую переносят, выделяет эти два состояния как мистически окрашенные (ср. более позднее просторечное *грузиться* – ‘пребывать в депрессии, расстраиваться’, где *груз* тоже передает внутреннее состояние).

Фиксируемые спорадически в разных говорах фразеологизмы повышенного культурно-мифологического содержания являются порождением культурных универсалий, фрагментами общей традиционной картины мира. Так, юрлинское выражение *зятёво (зятьёво) пиво* ‘жидкий слив сула, вообще слабое, некачественное пиво’ связано с обычаем угощать зятя на Масленицу не только блинами – в разных российских ареалах для этого используется каша *соломат*, особые пироги (*свательные пироги* – русские говоры Карелии), яшница (Пенза). Особенность этой пищи в том, что при изготовлении важно было «испортить» изделие (для этого в пиво клали, например, щепки); угощение не вполне качественным продуктом выступало как способ ритуального осмеяния и испытания жениха. Фразеологизм *зятьёво пиво* зафиксировал локальную обрядовую форму, которых может быть много. Выражение *воровать у ворона воду* (куединское) ‘брать крещенскую воду’ обозначает момент христианского обряда, но опирается на общую фольклорную традицию: ворон в сказках (*Ворон Воронович*) охраняет мертвую (реже и живую) воду, является помощником героя, одаривающим его различными чудесными предметами. Выражение *гусиное ведро* (‘пора в начале осени без дождей, с солнечными днями’) строится на осмыслении переходного от осени к зиме времени как момента подготовки гусей к перелету (в вятских говорах так называется сам период отлета гусей, следующий за бабьим летом). Во внутренней форме фразеологизма запечатлена известная

символика перелетных птиц как существ, связывающих мифологически противопоставленные временные сезоны – лето и зиму. Выражение *тихая лета* ‘смерть’ (Гайнский район Пермского края) соотносится с чердынским *тихое лето* ‘о чрезмерно спокойном, уравновешенном, скромном человеке’ и основывается, на наш взгляд, на народном восприятии лета без грома как недоброго предзнаменования (*Лето без грома – Бог забыл, видно, нас*). Подтверждением устойчивости этой ассоциации может служить существование отпрозвищной фамилии *Тихолетов* (крестьянин с прозвищем Клим *Тихое Лето* жил в нач. XVI в. в Новгороде [см.: Родоначалники...]); возможно, прозвище связано со временем рождения его носителя). Народные говоры в одних случаях могут хранить архаический смысл сюжета, в других утрачивать.

Культурно-языковая специфика различных групп пермских говоров более заметна в той части фразеологии, которая связана с типичными для конкретной местности занятиями. Показателен в этом плане шуточный отказ немедленно рассчитаться за долги *весной на бревнах рассчитаемся*, который строится на «исторической» ассоциации: раньше у северных крестьян деньги появлялись только к весне (как расплата за подготовленный зимой к сплаву лес). Традиционные ремесла, например, ткачество, дольше сохранялись именно на севере. Соответственно в северных говорах до сих пор используется выражение *как чивечка* ‘о стройной, красивой девушке’ (сравнение с катушкой в челноке ткацкого станка, деревянной, идеально ровной палочкой, на которую наматывали пряжу), ср. близкое по значению южное *как веретёшко* ‘о стройном, худощавом человеке’, где используется общеизвестное слово.

Особенно устойчивы в говорах обрядовые терминосистемы, которые связаны с глубинными основаниями традиционной культуры, часто функционирующей по принципу саморазвития. Большая сохранность выражений, связанных с общерусской архаикой, отличает островные говоры севера (*виноградье гаркать* ‘петь святочные песни во время обхода домов’ – русские Косинского района; песни-колядки с образом винограда, олицетворяющего богатство, любовь и благополучие, практически не фиксируются в других территориях Прикамья). Любопытно семантическое освоение глагола *колядить, колядовать* – в южных пермских говорах у него сохраняется значение ‘исполнять колядки в святочное время, ходить ряжеными на святках по домам’ и параллельно развивается экспрессивное значение ‘бездельничать’, в северных же глагол фиксируется лишь в оценочном значении ‘бездельни-

чать'. Связано это, безусловно, с неравномерностью развития тех или иных культурных комплексов в разных территориях.

Более определенный ареальный характер имеют фразеологизмы, которые фиксируют субстратные культурно-языковые элементы. Северные фразеологизмы нередко включают коми-пермизмы. Сочетание *узъмалый хлеб* 'непропеченный или неудавшийся хлеб' (Гайнский район) связано с коми-перм. *узъмӧм нянь* 'хлеб из плохо поднявшейся квашни'; букв. 'хлеб, который спал'; выражение в коми-пермяцком языке применяется и для оценки неповоротливого (глагол *заузъмать*, ср. коми *узъны* 'спать' усвоен русскими говорами северных территорий в значении 'поддаться сну, задремать'). Кальками являются обороты (*как*) *кислый червь* 'о человеке, который любит кислые и острые напитки' (из коми-пермяцкого *шӧма гаг* «кислый червь» 'о человеке, который неприятен другим'; русский оборот в своей семантике, как видим, получает некоторое саморазвитие – отталкивается от прямого значения компонента *кислый*).

Займствования во фразеологии могут быть представлены использованием коми-пермизма в качестве одного из компонентов выражения. Выражение *чуман надеть* 'почувствовав стыд, закрыть лицо' (косинское) включает коми-пермяцкое слово *чуман*, которое и в русских говорах обозначает наскоро, небрежно сделанную (сшитую с помощью веточек) коробочку или кулечек из бересты. Оно как переносное обозначение чего-л. некрасивого входит и в состав ряда фразеологизмов северных прикамских территорий – *чуман шить* 'плакать', *чуман оттянуть* 'надуть губы, обидеться'. Калька с коми-пермяцкого фразеологизма – выражение *тараканов вдевать* (*продевать*) 'бездельничать' – оно соответствует распространенному коми-пермяцкому выражению *тараканнэз пысавны* (букв. «тараканов нанизывать»). Последнее строится на упоминании одного из магических ритуалов – нанизывания на нитку насекомых. Смысл обряда – пытаться собрать неисчислимое (т.е. уничтожить неистребимое); ритуал используется, в частности, в обрядах вызывания дождя у северных коми-пермяков. Русское выражение содержит осмысление магического обряда как бесцельного занятия – данная схема весьма распространена в образовании фразеологизмов, ср. пермское диалектное *на ветер басни* 'о бесцельном говорении' в связи с обрядом пересылания заговорных слов по ветру. Оборот *черешлан* (*черешланги*) *вешать* (*вязать*) характеризует займствованный русскими от коми-пермяков знахарский обряд с гаданием (Юрла, Коса), аналогичен ему оборот *узел вязать* 'гадать, ворожить по

узелку с хмелем' (гайнское). Впрочем, гадания с топором (аксиномантия) известны многим европейским народам, связаны с почитанием топора как вместилища особой покровительствующей силы. Универсальный хозяйственный инструмент и одновременно грозное оружие, топор в традиционной культуре воспринимался как символ неодолимой силы и даже создатель блага (ср. сказку о каше из топора). В Прикамье он активно использовался как оберег (чтоб умерший не ходил, на ночь в порог втыкали топор – Усолье, клали его в голбец или втыкали в ворота – Кишерть; клали молодым под кровать или под подушку от порчи – Чердынь).

Южнопермская фразеология также ориентирована на заимствования обрядового характера, но уже из тюркских языков. Ориентализмы отмечены в составе выражений *ураза держать* соблюдать пост (уинское). Слово *ураза* обозначает здесь просто пост, а не 30-дневный пост у мусульман; на севере слово тоже известно, но используется в ином значении – 'благоприятное время для веселья' (*В Чистый понедельник уж нам ураза была на лубках кататься* – юсьвинское). Причина переосмысления – соотнесение слова с календарным термином *Ураза-байрам* праздник разговения (в рождественской хороводной игре отмечены слова *Ураза, ураза, Целоваться три раза*). В тюркских языках, впрочем, исходным для этого слова считается близкое значение 'счастье, радость'.

Аналогична судьба слова *карбан* 'большой, крепкий, здоровый человек' (*Ох уж он и карбан был; свет такого не видывал* – Чайковский район), которое исходно связано с тюркским названием жертвенного животного (из арабского языка; отмечено в названии праздника *карбан-байрам* – мусульмане специально откармливают к празднику жертвоприношения тучных животных). Соотнесение своей культуры с чужой, свидетельство межкультурного взаимодействия народов – также шуточное выражение *как сабан татарский* 'о большом скоплении народа' (уинское – из уподобления татарскому празднику сохи *Сабантуй*).

Активно южными говорами осваиваются мусульманские выражения типа *алла-бисмалла* (Чернушка), в говорах – возглас страдания, сожаления, близкий по смыслу к выражению «Боже мой» (исходно это возглас начала мусульманской молитвы «Во имя Аллаха»). Охотно заимствуются некоторые тюркские этикетные формы – типа высказывания *Бар-бар* 'приглашение заходить' (буквально «есть-есть», т.е. указание на то, что «мы дома»). На осмыслении формулы татарского этикета строится выражение *салямовска порода* 'о хорошем, добром, приветливом чело-

веке' (осинское). Шутливое выражение *коромысло татарское* 'о горбатом человеке' (кунгурское) учитывает реалии материальной культуры соседей.

Только в южных говорах отмечены этнонимические соотношения с черемисами – *слепая черемиса* 'о подслеповатом человеке', *как чуваш* 'о неопрятном человеке', *Маша-чуваша* 'о неопрятной, неаккуратной девочке, женщине', *как калмык* 'о неработающем человеке' (калмыки знакомы жителям Прикамья: бывала на Урале калмыцкая конница, она участвовала в большинстве военных походов России с XVII в.). На севере фиксируются лишь включения во фразеологизмы этнонима *пермяк* – выражения типа *пермяк немаканой* 'об отсталом, необразованном человеке' (Юсьвинский район).

Региональный характер имеют оттопонимические фразеологизмы, построенные на упоминании географических соседей, включающие местную топонимику: *кедра вятская* 'о глупом, недалеком человеке', *вятский слепень* 'о не понимающем человеке', *вятские приехали* 'о месячных у женщин'. Эти выражения отражают восприятие вятичей (приезжали на ярмарки в ярких одеждах), в чем-то повторяют байки и небылицы о вятских (типа *вятский слепень наехал на пень и кричит: «Отворачивай!»*). Считается, что скоромошность и ярко выраженное самоумаление – своеобразный способ достижения независимости – типичная черта вятских, воспринятая ими от населяющих Вятку с VI в. коми и удмуртов.

Ареально окрашены многие оттопонимические диалектные фразеологизмы. Севернопермский оборот *в кай ездить* 'раскаиваться в чем-л., сожалеть о чем-л.' упоминает *Кайгородок* – город на Каме, древнюю крепость на границе вятских и пермских земель, через которую проходил старинный торговый путь в Сибирь и обратно, небезопасный из-за разбойников (в основе названия гидроним *Кая*, вероятно от тюркского *кай* 'скала'). Одновременно здесь видим представление абстрактного *кай-каiania*, *раскаивания* как конкретного места. Языковая игра с топонимом используется и в южнопермской шутливой брани *иди в Аишу налево!* (*Аиша* – название села в Чернушинском районе тюркского происхождения, восходит к арабскому *хаиша* 'веселый').

Локальное своеобразие очевидно для фразеологизмов, фиксирующих отношение к старообрядчеству, более негативное в южных говорах: *скупой кержак* 'о жадном, скупом человеке' – Пермский район, *мушек (мух) гонять* 'молиться' – Октябрьский район. Старообрядческая фразеология на севере более сдержана по своей оценочности – ср. юрлинское *кержак морговатый* 'о

привередливом в пище человеке', нейтральное *кержацкое питье* 'напиток из суслика без хмеля'.

Локальная привязанность особенно наглядно отражена в многочисленной группе пермских фразеологических демонимов – названий Лешего. Их многочисленность связана с тем, что, по народным представлениям, Леший постоянно меняет облик: *Каждый год у его разное имя* (Юрла). О духе леса на юге говорят несколько иначе, чем на севере – *Лесовой, Ветряной дедушка, шайтан, попугай* (Октябрьский район). Лишь в двух случаях отмечены номинации по высоко частотной антропонимической формуле. Это оборот *Леонтий Леонтьевич* (кунгурское), где использовано крестильное имя *Леон*, греч. *Лев* (образ его частотен в народных русских росписях на прялках, заборках, в глиняных игрушках). Второе название – *Саланай (Шалонай) Салапонтьевич* (кишертское – от *солон* 'старое название мужского детородного органа'). Северные номинации лешего менее «вычурны» – *Виктор Викторович* (Юрл.), *Вихорь Вихоревич* (Юрл. – из *вихор* 'леший'; появление лешего сопровождается вихрем), *Теретей Теретеевич*. Последнее имя родственно персонажу *Терешечка* в русской сказке, вытесанному из полена, который побеждает ведьму, сам неизменно спасается от многих опасностей. Название Лешего *Еврей Евреевич* не есть проявление фольклорного антисемитизма, а отражение того факта, что в народном сознании черт, леший охотно принимают облик «чужого»: немца, француза, литовца, еврея.

Подобные прозвища нечистой силы по имени имели профилактическое, защитное значение (на севере они часто встречаются в заговорных кабалах на поиск в лесу домашних животных). Как представляется, в них исходно заключена не столько «уважительность» и официальность обращения по имени-отчеству, сколько характеристика парадоксальности этого демонологического персонажа. Тавтология, как известно, есть одна из типичных логических ошибок в определении понятия (определяемый предмет определяется через самого же себя). В народной традиции формы имен человека типа *Виктор Викторович* (в честь живого отца) редки (возможны лишь через поколение); совпадение имени и отчества встречается или у нечистых существ, или у людей некрещеных, у иноверцев (ср. *Иван Иванович* о чувашах), нередко олицетворяющих злую силу. Замечено, что имя *Илья Ильич* для Обломова И.А.Гончарова «самозамкнуто, ибо бездеятельный и бесплодный способ существования предков Обломова находит в нем конечное завершение» [Галкин 1997: 289].

Локальные подсистемы диалектной фразеологии в значительной степени мотивированы пред-

ставленным в местной традиции комплексом культурных субстратов. Диалектная фразеология, которая и к настоящему времени является носителем богатого спектра народно-нравственных оценок, представляет различные стороны человеческих отношений и поведения в мировоззренческом, концептуальном истолковании, остается ярким показателем полиморфизма народной культуры.

¹В статье рассматривается пермская диалектная фразеология, представленная в Словаре русских говоров Коми-пермяцкого округа [Копытов, Подюков, Черных 2006], во Фразеологическом словаре пермских говоров [Прокошева 2002], в картотеке Словаря русских говоров Южного Прикамья (ПГПУ, Центр этнолингвистики).

Список литературы:

Галкин А.Б. Обломов // Энциклопедия литературных героев. М.: Аграф, 1997. С.289.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1-4. М.: А/О Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994.

Копытов Н.Ю., Подюков И.А., Черных А.В. Словарь русских говоров Коми-пермяцкого округа. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006.

Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: ПГПУ, 2002.

Родоначалники // История Руси и русских родов. URL: familiiv2.narod.ru/rushist/86.htm

ABOUT LOCAL PECULIARITIES OF PERM DIALECT PHRASEOLOGY

Ivan A. Podjukov

**Professor of General Linguistics Department
Perm State Pedagogical University**

In this article the difference between Perm dialect phraseology of the northern and southern Russian Prikamie dialects is described. The analysis of figurativeness and validity of dialect phraseological constructions is carried out with the help of various complexes and forms of traditional culture. The description of semantic peculiarities contributes to revelation of territorial division of Perm dialect phraseology. The selected aspects of the research helped to define common tendencies of its areal division, close interdependence between dialect phraseology and cultural-language contacts with non-Slavic Krai population.

Key words: dialect phraseology; imagery in the Russian phraseology; semantic groups in phraseology; processes of borrowing in language and culture.